

2020-11-19 Газета "Правда". Фиаско фюрера

В ноябре исполняется 80 лет советско-германским переговорам в Берлине. К сожалению, до сих пор о них мало что известно. Интересно, как проходили и, главное, чем закончились эти переговоры?

АГРЕССИВНО навязываемым мифом западной антисоветской и антироссийской пропаганды является лживая конструкция, согласно которой, заключив с Германией 23 августа 1939 года договор о ненападении, Иосиф Сталин вступил в союз с нацистами. Визит главы Советского правительства Вячеслава Молотова в Берлин в ноябре 1940 года трактуется фальсификаторами истории как шаг в развитии союзнических отношений. Чтобы убедиться в том, что наши враги лгут, надо проанализировать ход и итоги берлинских переговоров.

Советское руководство не питало иллюзий в отношении «миролюбия» гитлеровской Германии. Да и ситуация в мире была тревожной. В апреле 1940 года германские войска захватили Данию и Норвегию, в мае — июне разгромили войска Франции, Бельгии, Нидерландов и британский экспедиционный корпус. Затем Берлин и Рим, добившись от Румынии согласия на передачу Венгрии Северной Трансильвании и передачи Болгарии Южной Добруджи, предоставили гарантии неприкосновенности новым румынским границам, даже не поинтересовавшись мнением Москвы, что возмутило Сталина и Молотова. Другими причинами для их недовольства стали германское военное присутствие в Финляндии и Тройственный пакт, подписанный 27 сентября 1940 года представителями Германии, Японии и Италии.

На таком историческом фоне 17 октября посол Германии в СССР Фридрих Вильгельм фон дер Шуленбург передал Молотову приглашение Йоахима фон Риббентропа посетить Берлин и адресованное Сталину пространное письмо. Оно содержало анализ мировой обстановки и предложение «согласовать свои долгосрочные политические цели», разграничив сферы интересов Германии, Японии, Италии и Советского Союза. 22 октября в ответном письме Сталин, не без иронии поблагодарив министра иностранных дел Германии за «поучительный анализ последних событий», сообщил о сроках визита Молотова.

Директивы Сталина Молотов зафиксировал в блокноте. Целями поездки было: разузнать действительные намерения Германии, Италии и Японии в осуществлении плана создания «Новой Европы» и «Великого Восточно-Азиатского Пространства», их границы, характер государственной структуры и отношения отдельных европейских государств в «Новой Европе» и в «Восточной Азии»; этапы и сроки осуществления этих планов; перспективы присоединения других стран к Пакту трёх; «место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем».

МОЛОТОВУ предстояло подготовить «первоначальную намётку сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом» с Германией и Италией, но не заключать какого-либо соглашения с ними. Глава советской делегации должен был потребовать вывести немецкие войска с территории Финляндии и поставить вопрос о механизме контроля за прохождением судов по устью Дуная. Список сталинских указаний состоял из 14 пунктов.

10 ноября от Белорусского вокзала Москвы отошёл специальный поезд. Молотова сопровождали его заместитель Владимир Деканозов, нарком чёрной металлургии Иван Тевосян, заместитель наркома внутренних дел Всеволод Меркулов, заместитель наркома внешней торговли Алексей Крутиков, заместитель наркома авиационной промышленности конструктор Александр Яковлев, посол СССР в Германии Александр Шкварцев, начальник Оперативного управления Генерального штаба РККА генерал-майор Александр Василевский и адъютант наркома обороны СССР генерал-лейтенант Вениамин Злобин. С ними ехал и Шуленбург.

В 11 утра 12 ноября поезд прибыл в столицу «третьего рейха». На Ангальтском вокзале советскую делегацию встретили Риббентроп, генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и руководитель Германского трудового фронта Роберт Лей. Прозвучал «Интернационал», который в то время был Государственным гимном СССР.

Переговоры начались почти сразу. Переводили Виктор Павлов и Густав Хильгер, а Валентин Бережков и Пауль Шмидт вели протокол. Первым собеседником Молотова

стал знакомый ему Риббентроп, который заявил: «Никакое государство в мире не в состоянии изменить положения, создавшегося в результате побед Германии... Мы переживаем начало конца Британской империи. Англия разбита, и когда она признает поражение — это только вопрос времени... СССР может извлечь выгоды при перераспределении территорий Британской империи путём экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря». Рейхсминистр выразил желание в ходе переговоров достигнуть «соглашения, заявляющего о поддержке Советским Союзом целей Тройственного пакта, как то: предотвращение эскалации войны и скорейшее установление всеобщего мира».

СЛЕДУЯ сталинским установкам, Молотов попросил обозначить границы «Новой Европы» и «Великого Восточно-Азиатского Пространства». Рейхсминистр отделался отговоркой, что понятие «Великое Восточно-Азиатское Пространство» не имеет ничего общего с жизненно важными сферами интересов СССР. Диалог с Риббентропом предшествовал главной встрече с Гитлером, состоявшейся в имперской канцелярии.

Демонстрируя уверенность в скорой победе над Великобританией, фюрер стал рассуждать о будущем европейских народов, подчёркивая готовность учитывать интересы Москвы. Более того, он предложил СССР рассмотреть вопрос о присоединении к Тройственному пакту и начать борьбу за «выход к тёплым морям». Небезынтересно то, что, делая попытку привлечь СССР «к участию в большой комбинации против Англии», в своём ближнем кругу Гитлер скептически оценивал перспективы этой затеи.

В ответ Молотов заявил: «Советский Союз может принять участие в широком соглашении четырёх держав, но только как партнёр, а не как объект (а между тем только в качестве такого объекта СССР упоминается в Тройственном пакте), и готов принять участие в некоторых акциях совместно с Германией, Италией и Японией, но для этого необходимо внести ясность в некоторые вопросы». К ним глава Советского правительства и перешёл. Спросил: для каких целей направлены германские войска в Финляндию и почему и этот шаг был предпринят без консультации с Москвой? Попросил также разъяснить, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с СССР, как это предусмотрено советско-германским договором о ненападении.

«Эти вопросы подействовали на Гитлера, как холодный душ. Несмотря на актёрские способности, фюреру не удалось скрыть растерянности», — вспоминал Бережков. Фюрер ограничился замечанием, что германские части переправляются через

территорию Финляндии в Норвегию, а «вопросы, которые Советский Союз имеет по отношению к Румынии, Болгарии и Турции, нельзя решить здесь за 10 минут, и это должно быть предметом дипломатических переговоров. Мы все являемся континентальными государствами, хотя каждая страна имеет свои интересы». Прервав встречу, Гитлер предложил продолжить разговор на следующий день.

УТРОМ 13 ноября Молотов встретился с главнокомандующим ВВС Германии, рейхсмаршалом Генрихом Герингом, а потом с Рудольфом Гессом, заместителем фюрера в нацистской партии. В 14 часов Гитлер и Молотов продолжили переговоры. Атмосфера на них была другой. «Гитлер, приветствуя Молотова при первой встрече, был ошеломляюще любезен. Ему явно важно было расположить к себе Молотова как в деловом, так и в человеческом плане, — свидетельствовал Хильгер. — Однако на второй день противоположность целей обоих партнёров по переговорам выявилась столь отчётливо, что о возможности договорённостей речь уже вряд ли могла идти».

На этот раз Гитлер сам поднял финскую тему, заявив, что у Германии в Финляндии нет политических интересов, но есть экономические, связанные с поставками леса и никеля. Кроме того, через территорию Финляндии германские войска перебрасываются в норвежский Киркенес. Поскольку «из-за дальности расстояния его нельзя было покрыть в один переход», на финской территории созданы две базы. Они будут ликвидированы, как только переброска войск завершится.

Зная, что в действительности Германия создавала в Суоми плацдарм для планируемого вторжения в СССР с северо-запада, Молотов продолжил спрашивать о Финляндии, разозлив фюрера. Тот угрожающе произнёс: «Для решения вопросов на будущее Советский Союз должен понять, что Германия находится в борьбе не на жизнь, а на смерть, которую она успешно закончит. Но Германия нуждается в определённых хозяйственных и военных предпосылках».

Взяв себя в руки, Гитлер повёл речь в том плане, что, мол, не следует конфликтовать по «мелким, несущественным вопросам». Но именно к ним его вернул настойчивый собеседник. Турция, Румыния, Болгария — какую политику ведёт Германия в этих странах? Молотова интересовало, что «скажет германское правительство, если Советское правительство даст гарантии Болгарии на таких же основаниях, как их дала Германия и Италия Румынии, причём с полным сохранением существующего в Болгарии внутреннего режима»? Переводчик Шмидт, знавший о нелюбви Гитлера отвечать на конкретные вопросы, писал: «Вопросы обрушивались на Гитлера один за другим. При мне никто из иностранцев с ним так не говорил».

Вопрос о советской военной базе в Болгарии вновь вывел Гитлера из равновесия. По свидетельству Бережкова, он визгливо прокричал: «Разве царь Борис просил Москву о гарантиях? Мне об этом ничего не известно. И вообще, об этом я должен посоветоваться с дуче. Италия тоже заинтересована в этой части Европы».

Когда беседа завершилась, Молотов пригласил фюрера на приём в советское посольство. В посольство Гитлер не пришёл. Были другие руководители «третьего рейха» во главе с «нацистом №2» Герингом. «Его грузная фигура, напоминавшая огромного разукрашенного павлина, привлекала всеобщее внимание», — свидетельствовал Бережков. Многолюдный приём был прерван налётом британской авиации. Позже премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль утверждал, что Лондону было известно о совещании в Берлине. «Хотя нас и не пригласили принять в нём участие, мы всё же не хотели оставаться в стороне».

РИББЕНТРОП пригласил Молотова в своё бомбоубежище, где опять завёл речь о скором крушении Британской империи и грядущем дележе её «наследства». Молотов ответил колкостью: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?»

Риббентроп смутился и промолчал. «Чувствуя неловкость положения, он вызвал адъютанта и велел принести кофе», — вспоминал Бережков. Успокоившись, рейхсминистр стал говорить о целесообразности советско-германского сотрудничества в определении геополитических контуров мира, а затем зачитал Молотову свои «черновые наброски» проекта будущего соглашения СССР с государствами Тройственного пакта. По нему, Германия, Япония, Италия и СССР брали взаимные обязательства: «работать над установлением мира», «всячески поддерживать друг друга в экономическом отношении», «уважать сферы своих взаимных интересов» и т.д. Территориальные интересы СССР, по мнению Риббентропа, лежали «в направлении Индийского океана».

Пообещав обсудить эти предложения в Москве, Молотов вернулся в посольство и доложил Сталину: «Сегодня, 13 ноября, состоялась беседа с Гитлером 3 с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трёхчасовая беседа с Риббентропом... Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придётся считаться».

Итоги переговоров Гитлера не удовлетворили. Обмануть руководство СССР он так и не смог. Много повидавший Шмидт расценил результаты переговоров как фиаско фюрера. Утром 14 ноября советская делегация отбыла в Москву. Из официальных лиц высшего ранга на вокзале её провожал лишь Риббентроп.

Примечательно и то, что посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс, оценивая визит Молотова в Берлин, сообщил в Лондон, что результаты встречи оказались отрицательными.

15 ноября после прибытия в Москву Молотов выступил с отчётом о поездке на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Выслушав его, Сталин констатировал: «Гитлер ведёт двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у советского руководства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений... Гитлер постоянно твердит о своём миролюбии. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами, но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки решительной и смертельной борьбы с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем договор рассматривать основой создания надёжной безо-пасности для нас. Гарантией создания прочного мира является укрепление наших Вооружённых Сил».

25 ноября — сразу после присоединения к Тройственному пакту Венгрии, Румынии и Словакии — Молотов в специальном заявлении изложил Шуленбургу условия, на которых СССР был готов начать обсуждение предложений Риббентропа. Советский Союз требовал: вывода германских войск из Финляндии; обеспечения своей безопасности в проливах путём заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией и «организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды»; признания интересов СССР к району южнее Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу; отказа Японии от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

ТАК БУДЕТ ЛИ правильным считать, что СССР предложил гитлеровской Германии заключить союз? Нет! Советские условия были абсолютно неприемлемы для Гитлера!

Показательно, что разгневанный фюрер запретил Риббентропу отвечать на них, а 18 декабря подписал план «Барбаросса», потребовав к 15 мая 1941 года завершить подготовку германских вооружённых сил к вторжению на территорию Советского Союза.

В последующие полгода Советский Союз и гитлеровская Германия готовились к неизбежной войне.